

УДК/UDC 930+027.4:021.89(47)

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-6-14>

EDN: XWJVMN

Научная статья / Original article

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В РОССИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

Д. И. Попов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55А

 55popov@mail.ru

В статье раскрывается эволюция государственной регламентации деятельности публичных библиотек в России в конце XIX — начале XX вв. Материалом исследования послужили законодательные акты Российской империи, подзаконные акты министерств и ведомств, регламентирующие деятельность публичных библиотек, документы делопроизводства центральных и местных органов государственной власти, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Российской Федерации, а также государственных архивах Иркутской, Томской областей и Красноярского края, уставы публичных библиотек, материалы периодической печати.

Методологическую основу работы составил проблемно-хронологический метод, позволивший выявить закономерности развития библиотечного законодательства с учётом изменений общественно-политических условий в Российской империи на различных этапах её истории. Историко-генетический метод позволил установить причинно-следственные связи и проследить эволюцию правительственной политики в отношении публичных библиотек в конце XIX—начале XX вв. В статье показано, что правовое поле, в котором функционировали публичные библиотеки, сочетало меры государственного стимулирования общественной активности в данной сфере с охранительными механизмами.

Предоставление публичным библиотекам статуса юридического лица и упрощение порядка их открытия способствовали расширению организационной самостоятельности этих учреждений и их интеграции в культурно-образовательное пространство России. В то же время отмена предварительной цензуры в годы Первой русской революции не привела к реальному ослаблению административно-полицейского надзора: правоприменительная практика на местах опиралась преимущественно на ведомственные предписания, а не на формально-правовые нормы. Стремясь контролировать механизмы формирования общественного мнения и не допускать политизации населения, власти ограничивали содержательное многообразие массового книжного чтения и, следовательно, просветительскую функцию библиотек.

Ключевые слова: общественная инициатива, публичные библиотеки, государственная регламентация, законодательство, охранительная политика, цензура

Для цитирования: Попов Д. И. Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России в конце XIX—начале XX вв. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 6—14. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-6-14>. EDN: XWJVMN.

© Попов Д. И., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

STATE REGULATION OF PUBLIC LIBRARIES ACTIVITIES IN RUSSIA IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

D. I. Popov

Dostoevsky Omsk State University,
Mira Ave., 55A, Omsk, 644077, Russia

 55popov@mail.ru

The article examines the evolution of state regulation of public libraries in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. The research corpus comprises legislative acts of the Russian Empire, departmental regulations governing public library operations, and office correspondence from central and regional government bodies. These documents are preserved in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation, and the state archives of Irkutsk, Tomsk, and Krasnoyarsk regions. The source base is further supplemented by statutes of public libraries and periodicals.

Methodologically, the research relies on the problem-chronological approach, enabling the identification of consistent patterns in the evolution of library law with due regard for shifts in the sociopolitical environment across different periods of the Russian Empire's history. Additionally, the application of the historical-genetic method facilitated the establishment of causal links and traced the transformation of state policy regarding public libraries during the late 19th and early 20th centuries. The article demonstrates that the legal framework within which public libraries operated combined elements of governmental encouragement of civic activity with mechanisms of censorship and police oversight.

Granting public libraries the status of a legal entity and simplifying their opening procedures facilitated the expansion of these institutions' organizational autonomy and their integration into Russia's cultural and educational space. At the same time, the abolition of preliminary censorship during the years of the First Russian Revolution did not lead to a real weakening of administrative-police supervision: law enforcement practice on the ground relied primarily on departmental directives rather than formal-legal norms. This led to systematic restrictions on readers' access to legally published books and periodicals. The repressive and protective component of the authorities' library policy significantly limited the substantive diversity of mass reading and, consequently, the educational function of libraries.

Keywords: public initiative, public libraries, state regulation, legislation, protective policy, censorship

For citation: Popov D. I. State regulation of public libraries activities in Russia in the late 19th and early 20th centuries. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(3):6–14. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-6-14>. EDN: XWJVMN. (In Russ.).

© Popov D. I., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

В ходе модернизационных преобразований второй половины XIX – начала XX вв. в России утвердилось общество нового типа, ориентированное на образовательный и профессиональный рост личности, её культурное развитие и активное участие в общественной жизни. «Малограмотная страна с чрезвычайной энергией бросилась к обучению, образованию и самообразованию. Поэтому читающая публика растёт в числе не по дням, а по часам», — отмечал журнал «Вестник Европы» [1, с. 372]. Охватив все слои российского общества, чтение книг и газет, по словам современников, переросло в «читательскую лихорадку» [2, с. 245]. В начале XX в. Российская империя стала мировым лидером по количеству печатной продукции на душу населения [3, с. 20].

Увеличение познавательных и культурных запросов населения способствовало развитию средств получения информации, повышению его образовательного уровня, организации досуга. Существенную роль среди культурно-образовательных учреждений играли библиотеки, на рубеже XIX – XX вв.

ставшие неотъемлемым элементом социокультурной среды не только столичных городов, но и российской провинции. «Грамотность разлилась такой широкой волной, что нельзя отказать народу в средствах упорчить и расширить приобретённые знания», — писал в 1901 г. журнал «Вестник Европы», призывая общественность к совместной деятельности в культурно-образовательной сфере [4, с. 370].

Усилия государственной власти по развитию библиотечного дела в России сводились в основном к созданию и поддержке библиотек при учебных заведениях. Министерство народного просвещения (далее — МНП) констатировало ограниченность возможностей государства в удовлетворении читательских потребностей населения империи. В 1908 г. министр народного просвещения А. Н. Шварц подчеркнул особое значение инициативы «снизу» в организации библиотек, острая нехватка которых ощущалась повсеместно [5, л. 4 об. – 5].

Выразив готовность привлекать общественность к решению наиболее острых социокультурных проблем, государственная власть оказала её просветительным инициативам ограниченную поддержку.

Легализация публичных библиотек в эпоху Великих реформ способствовала их включению в культурно-образовательное пространство Российской империи. В пореформенный период учреждение и функционирование публичных библиотек стало предметом государственной регламентации и бюрократического контроля. Правительство и коронная администрация на местах в целом положительно оценивали практику открытия библиотек силами общественности и создавали для их деятельности относительно благоприятные правовые и организационные условия. Однако в условиях глубоких социально-политических трансформаций конца XIX — начала XX вв. государственная библиотечная политика в России приобрела качественно новые черты и глубоко противоречивый характер.

Цель статьи — определить задачи и раскрыть содержание государственной регламентации создания и деятельности публичных библиотек в Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

Специфика развития институтов гражданского общества на современном этапе российской истории актуализирует наши размышления об историческом прошлом. Обращение к опыту государственной регламентации публичных библиотек в Российской империи представляется значимым в контексте современных дискуссий о балансе между государственным контролем и свободой общественной инициативы в культурно-образовательной сфере. Данное исследование позволяет выявить эффективные механизмы взаимодействия власти и общества в развитии культурных институтов, что имеет практическую значимость для совершенствования современной библиотечной политики. Сложившийся в дореволюционной России тип общественных библиотек может быть востребован в наши дни.

Обращаясь к историографическому обзору, отметим, что имеющиеся исследования дают лишь частичное представление о заявленной проблемной области. Историками накоплен солидный фактический материал, позволивший выявить механизмы и закономерности библиотечного строительства в России [6, 7], раскрыть содержание инициатив общественности в этой сфере [8–10]. Правовое регулирование деятельности отдельных типов библиотек также стало предметом научного анализа [11–14]. В центре внимания исследователей оказались преимущественно народные общедоступные библиотеки. В то же время научные знания о государственной регламентации публичных библиотек, открытие которых в конце XIX — начале XX вв. являлось важным направлением работы органов городского самоуправления и просветительных обществ, до сих пор остаются фрагментарными. Историками лишь частично раскрыты внутренние противоречия модели, сочетавшей государственную поддержку общественной инициативы и одновременно жесткий полицейско-охранительный надзор над библиотеками. Правоприменительная практика также недостаточно освещена в работах отечественных исследователей.

Основная часть

Сложившееся к концу XIX — началу XX вв. библиотечное законодательство классифицировало общественные библиотеки по критерию их общедоступности. Лежавшие в его основе охранительные задачи были сформулированы в докладной записке, направленной в 1866 г. министром на-

родного просвещения Д. А. Толстым императору Александру II. Министр указывал, что «надзор за книгами ... должен руководствоваться не сообщением только о том, в какой мере эти произведения удовлетворяют требованиям общей цензуры, но прежде всего вопросом о пригодности их именно для того класса людей, которому они посвящаются» [15, с. 41]. Решая задачи «ограждения простого народа от злонамеренно распространяемых путём печати лжеучений» [15, с. 54], государственная власть законодательным путём выделила два типа общественных библиотек — библиотеки, ограничивавшие всеобщий доступ к своим книжным фондам, и общедоступные библиотеки. Для каждого типа библиотек была создана своя система правовой и административной регламентации, направленная на дифференциацию форм общественного доступа к чтению, определявшая порядок их открытия, комплектования фондов, а также механизм надзора со стороны административных и правоохранительных органов. Эта система отразила стремление государства сочетать задачи поддержки библиотечных инициатив общественности с охранительными функциями цензурно-полицейского характера.

Особый тип общественных библиотек представляли публичные библиотеки, располагавшие универсальными книжными фондами и ориентированные на образованных и материально обеспеченных горожан. Ограничение круга читателей обеспечивалось путём взимания абонентской платы, залогов за выдаваемые на дом книги, а также наличием в книгохранилищах небольшого числа изданий, предназначенных для «простонародного чтения». С правовой точки зрения публичные библиотеки являлись общественными организациями, деятельность которых регулировалась уставными нормами [16–18]. Если до 1890-х г. публичные библиотеки учреждались преимущественно культурно-просветительными организациями, то на рубеже веков ведущая роль в их создании перешла органам городского самоуправления.

С точки зрения оборота (приобретения, хранения, распространения) печатных изданий близкий к публичным библиотекам статус имели книжные склады. Учрежденные просветительными организациями или городским самоуправлением они использовались как для комплектования фондов публичных библиотек, так и для прямой продажи книг населению.

Закон о цензуре 1865 г. закрепил разрешительный порядок открытия публичных библиотек, наделив соответствующими полномочиями губернаторов как глав коронной администрации на местах. Книжные фонды, согласно закону, могли комплектоваться всеми изданиями, прошедшими государственную цензуру [19, с. 401, 404]. В 1884 г. эти нормы были дополнены «Временными правилами», утверждёнными императором Александром III. Министру внутренних дел предписывалось «указывать местным начальствам те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках» [20, с. 3]. Главное управление по делам печати совместно с Департаментом полиции регулярно рассылало в губернии «Алфавитный список сочинений, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» [21]; обязывая руководителей библиотек не разглашать содержание этого документа [22, с. 33]. Таким образом, власти выделили категорию книг, одобренных цензурными органами и находив-

шихся в свободной продаже, но запрещённых для публичных библиотек.

«Временные правила» ужесточили требования к учредителям и руководителям публичных библиотек, тщательная проверка политической благонадёжности которых возлагалась на губернаторов. Последние получили право «своей властью устранять из библиотек» служащих, скомпрометированных в политическом отношении. Для замены заведующих библиотеками также требовалась санкция губернского начальства. Глава полицейского ведомства «в случае признанной в том необходимости» мог закрывать публичные библиотеки в административном порядке, не обращаясь в судебные органы [20, с. 3].

Схожий с публичными библиотеками правовой статус имели корпоративные библиотеки, являвшиеся структурными подразделениями общественных организаций — культурно- и научно-просветительных, литературно-музыкальных, художественных, а также созданных по интересам или профессиональной принадлежности их членов. Такие библиотеки также попадали под действие Закона о цензуре 1865 г., однако формировали не универсальные, а специализированные книжные фонды. Самостоятельным юридическим лицом корпоративные библиотеки не являлись и действовали на основании уставов общественных организаций, их учредивших [23, с. 3; 24, с. 3; 25, с. 2]. Состав читателей определялся специальными правилами и, как правило, ограничивался членами общественной организации — учредителя библиотеки.

Таким образом, публичные и корпоративные библиотеки допускали пользование своими фондами лишь при соблюдении определённых требований (членства в общественной организации, приобретения абонемента и т. п.). Это отличало их от народных библиотек, представлявших собой тип бесплатной общедоступной библиотеки. Распространение в 1870-х—1890-х гг. народных библиотек отражало стремление учредителей — культурно-просветительных организаций и земских управ распространить библиотечное обслуживание на непривилегированные сословия, лишённые возможности пользоваться услугами публичных библиотек. Утверждённые Министерством внутренних дел в 1890 г. «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» (далее — Правила 1890 г.) включили в сферу своего регулирования «открываемые для бесплатного пользования книгами заведения, под каким бы названием они не существовали и кем бы ни были учреждаемы» [26]. В итоге народные библиотеки, ранее находившиеся, как и другие общественные библиотеки, под действием Закона о цензуре 1865 г. и Временных правил 1884 г., были выделены в особый объект правового регулирования.

Этот охранительно-запретительный компонент библиотечной политики правительства подвергся острой критике со стороны общественности и стал одним из факторов роста протестных настроений в российском социуме. Например, журнал «Северный вестник», характеризуя библиотечное законодательство конца XIX в., отмечал, что установленные властями «различия между взрослыми людьми в зависимости от того, к какому классу общества — привилегированному или непривилегированному — к «обществу» или «народу» — они принадлежат, ... противоречат нашим основным законам, которые после реформы 19 февраля признали равно-

правность всех русских подданных перед законом, признали народ не нуждающимся ни в какой специально для него только назначенной опеке» [27, с. 258—259].

Результатом обострения социально-политических противоречий в начале XX в. стала Первая русская революция, отразившая общественный запрос на преобразования в культурно-образовательной сфере. Широкое распространение получили требования демократизации образования и культуры, ослабления государственного контроля над ними. Участники революционного движения заявляли о необходимости превращения библиотек в действительно общедоступные центры народного просвещения, открытые для всех слоёв общества вне сословных и имущественных ограничений.

Революционные выступления сопровождались взрывным ростом издательской деятельности, заметным усилением политического содержания печатной продукции, что привело к фактическому параличу органов цензурного надзора. Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил в Российской империи свободу слова [28], что предполагало отмену или пересмотр правовых актов, устанавливавших цензуру и регламентировавших деятельность цензурного ведомства. 26 апреля 1906 г. взамен утратившего силу Закона о цензуре 1865 г. император Николай II утвердил Временные правила для неповременной печати, отменявшие институт предварительной цензуры и устанавливавшие судебный порядок привлечения издателей и редакторов к ответственности за публикации, нарушающие закон [29, с. 482]. Таким образом, исчезли правовые основания для запрета комплектовать фонды публичных библиотек изданиями, перечисленными в «Алфавитном указателе». Последний перед революцией 1905—1907 гг. такой список был опубликован властями в 1903 г. [21]. Он включал 193 наименования книг и 10 наименований периодической печати. В начале 1905 г. МВД подготовило новое издание «Алфавитного указателя», существенно расширившее перечень запрещённой литературы. Однако провозглашение Манифестом 17 октября 1905 г. свободы слова обесценило его нормативное значение. Пролежав два года в типографии, набор «Алфавитного указателя» был разобран [30, с. 7].

Официально нормы «Временных правил» 1884 г., регулировавшие правовой статус «Алфавитных указателей», были отменены в 1907 г. циркуляром министра внутренних дел П. А. Столыпина. «После возведения Высочайшими манифестами новых религиозных и гражданских правовых норм не имеется оснований и государственный надобности ставить ограничения распространению сочинений», — говорилось в этом документе. Фонды публичных библиотек, согласно циркуляру, отныне могли комплектоваться всеми «произведениями печати, которые не воспрещены вообще к обращению в империи» [31, с. 576].

Законодательные реформы периода Первой русской революции, ослабив прежние ограничения на доступ населения к изданиям общественно-политического и экономического характера, способствовали демократизации библиотечной деятельности. Ещё до формальной отмены «Алфавитных указателей» публичные библиотеки на местах явочным порядком воспользовались свободой выбора книг и периодических изданий для своих фондов. В частности, в каталоге публичной библиотеки Омского общества попечения о начальном образовании, опу-

бликованном в 1906 г., были представлены произведения А. Бебеля, Э. Бернштейна, А. А. Богданова, Ж. Жореса, К. Каутского, Ф. Лассалья, П. Лафарга, А. В. Луначарского, В. И. Ленина, К. Либкнехта, К. Маркса, Ф. Энгельса и других представителей социалистической мысли [32]. В 1905–1906 гг. издания, ранее входившие в «Алфавитный указатель», также приобретались книжным складом Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии [33, с. 17]. Журнал «Сибирские вопросы» отмечал, что «эти книги присылались из Европейской России с декабря 1905 г. совершенно открыто, по почте, от разрешённых книгоиздательств, объявления о них печатались в газетах». Иркутская администрация, по сообщению журнала, самоустранилась, отказавшись оценивать эти издания на предмет их «преступности» [33, с. 17].

Растерянность властей может быть объяснена правовой неопределённостью, возникшей после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. В России, по словам современников, наступил «медовый месяц свободы печати» [34, с. 191], когда книгоиздательства свободно публиковали и распространяли книги, ранее запрещённые цензурой. Отсутствие новых изданий «Алфавитного указателя» в 1905 г., а затем и в 1906 г. лишь усугубляло сложившуюся неопределённость. В этой связи показательным является датированный 1906 г. запрос курского губернатора В. М. Борзенко в Главное управление по делам печати: «За неимением прежних и новейших списков запрещённых изданий ... прошу Главное управление выслать мне означенные списки и полные каталоги запрещённых к обращению в библиотеках и читальных изданий и разъяснить, как поступать с появившимися изданиями, не бывшими на рассмотрении цензуры» [35, л. 39]. Ещё более показательным является ответ высшей цензурной инстанции, уведомившей главу Курской губернии об отсутствии нового запретительного каталога.

Ситуация неопределённости завершилась в 1907–1908 гг. с наступлением правительственной реакции. Несмотря на официальную отмену «Алфавитных указателей» и разрешение комплектовать публичные библиотеки «всеми не запрещёнными произведениями печати», чиновники на местах вернулись к практике административных ограничений и полицейского надзора за библиотечными фондами. В 1907 г. журнал «Для народного учителя», характеризуя правоприменительную практику, отмечал, что «учебные и полицейские власти требуют изъятия из обращения в магазине или библиотеке книг, на которых не значится “Дозволено цензурой”» [36]. В марте 1908 г. Департамент полиции МВД специальным циркуляром потребовал от губернаторов вести особое наблюдение за библиотеками в целях «воспрепятствования проникновению в таковые тенденциозной литературы» [37, л. 1]. В другом циркуляре директор Департамента полиции М. И. Трубевиц дал губернаторам прямое указание «принимать решительные меры вплоть до закрытия обществ» в случае их «обращения в сторону политической агитации и пропаганды» [38, л. 4–6].

Подобные указания «сверху» объясняют, почему охранительная политика местных властей нередко принимала откровенно репрессивный характер. В частности, в октябре 1908 г. генерал-губернатор Степного края Е. О. Шмидт закрыл в административном порядке Омское общество попечения

о начальном образовании. Основанием для этого решения стали результаты обыска, проведённого Омским жандармским управлением в Общественной городской библиотеке. Согласно докладной записке, направленной главой омских жандармов в Департамент полиции, в ходе обыска «в библиотеке общества была найдена нелегальная литература, которая, судя по истрёпанным переплётам книг, бралась и читалась публикой» [39, л. 2]. Отметим, что издания, признанные жандармским руководством крамольными, были указаны в библиотечном каталоге, изданном в 1906 г. в типографии Акмолинского областного правления, имевшем цензурный гриф «печатать разрешено» и свободно распространявшемся членами Общества попечения о начальном образовании [32].

В 1908 г. власти запретили деятельность Енисейского общества попечения о начальном образовании, обвинив его в «распространении в большом количестве преступных нелегальных изданий посредством книжного склада» [40, с. 66]. Журнал «Сибирские вопросы», характеризуя закрытие общества, отмечал, что эти издания «два года тому назад свободно выходили в Москве, Петербурге и других городах, где имеются целые цензурные комитеты, и вдруг теперь власти спохватились и ... стали преследовать за книжки, которые раньше преследованиям не подвергались. Таково одно из благ “конституционного строя”» [40, с. 66–67]. В рассматриваемый период в Сибири обыски в общественных библиотеках и книжных складах стали рядовым явлением. Так, об обнаружении запрещённой литературы сообщалось в жандармских донесениях, составленных после обысков в Канской городской публичной библиотеке, книжных складах красноярского и минусинского обществ попечения о начальном образовании, а также в книжном складе и библиотеке Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии и т. д. [41, л. 1–2; 42, л. 10; 43, л. 2; 44, л. 3, 6–7, 40]. Последнее общество после проведённого обыска было закрыто министром внутренних дел за «вредную в политическом отношении деятельность» [45, л. 6]. Обыск в Троицкосавской публичной библиотеке результатов не дал, однако крамольная литература была обнаружена на дому у одной из библиотечек [46, с. 8].

Отсутствие чётких юридически закреплённых норм, регулирующих признание тех или иных изданий запрещёнными, существенно усугубляло и без того непростые отношения властей и сотрудников библиотек. В ряде случаев среди изъятых в ходе обысков изданий действительно обнаруживалась литература революционного содержания. Однако основную часть конфискованного составляли отнюдь не крамольные произведения, а книги и периодические издания, вышедшие в свет после отмены предварительной цензуры и свободно продававшиеся в книжных магазинах как столичных, так и провинциальных городов. Например, в 1912 г. во Владивостокской городской общественной библиотеке им. Н. В. Гоголя по указанию военного губернатора Приморской области М. М. Манакина состоялся обыск, длившийся десять дней. В ходе ревизии фондов было изъято около семисот экземпляров печатных изданий, среди которых значилась не только «тенденциозно-революционная литература», но и значительное число книг по т. н. «специальным вопросам»: аграрному, социально-экономическому и правовому [47, с. 141–142].

Правоприменительная практика свидетельствует о том, в действиях коронной администрации нередко преобладал административно-полицейский, а не формально-правовой подход к регулированию деятельности публичных библиотек и общественных книжных складов. Отмена запретительных списков далеко не всегда открывала читателям реальный доступ к легально опубликованным изданиям. «Упразднённая законом цензура во многих местах провинции контрабандным путём, через полицию, вернулась на прежнее место и делает своё деморализующее дело» — отмечал в журнале «Вестник Европы» общественный деятель, депутат I Государственной думы И. В. Жилкин. «Ограждает администрация, конечно, не общественное спокойствие, а собственное, и тем самым бросает в население семена недовольства и раздражения, которые рано или поздно должны дать беспокойные всходы» — подчёркивал автор [1, с. 351, 359].

В годы нового подъёма общественного движения обыски с последующим изъятием из публичных библиотек крамольной, по мнению местных властей, литературы приобрели весьма широкие масштабы. Поэтому МВД приняло решение внести ясность в вопрос о том, какие книги должны изыматься из библиотек. В 1912 г. министр внутренних дел поручил Главному управлению по делам печати составить список «таких произведений печати, которые хотя и не поддаются инкриминированию на почве уголовных законов, тем не менее отличаются крайне тенденциозным вредным содержанием с тем, чтобы произведения такого рода не были допускаемы к обращению в публичных библиотеках во всех местностях» [48, л. 41]. В 1914 г. Главное управление по делам печати опубликовало новое издание «Алфавитного списка», ставшее самым обширным за всю его историю и включавшее 450 наименований книг [49]. Среди них было немало изданий, легально обращавшихся на книжном рынке и приобретавшихся в фонды государственных, академических и частных библиотек [8, с. 31–32].

Отпечатанный типографским способом «Алфавитный список» распространялся среди чиновников полицейского ведомства, по долгу службы призванных осуществлять надзор за публичными библиотеками. В свою очередь они знакомили с содержанием этого документа заведующих библиотек. Так, в 1916 г. в ходе ревизии книжных фондов Барнаульской и Бийской городских общественных библиотек, а также библиотеки Барнаульского общества попечения о начальном образовании инспектор по делам печати С. Л. Лаврентьев, обнаружив хранение запрещённых изданий, ознакомил библиотекарей с «Алфавитным списком» [50, с. 104].

Выводы

Модернизационные преобразования в Российской империи дали мощный импульс развитию общественной самоорганизации в библиотечной сфере, открыв новые возможности для её проявления. Атрибутами общественной жизни как столичных городов, так и российской провинции стали публичные библиотеки, выполнявшие досуговые, информационные, образовательные функции, расширявшие интеллектуальный багаж читателей. Возрастание роли публичных библиотек в общественной жизни нашло отражение в содержании культурно-образовательной политики правительства, в рамках которой государственная поддержка общественной инициативы сочеталась с установ-

лением нормативных и административных правил создания и функционирования библиотек.

В конце XIX — начале XX вв. государственная регламентация работы публичных библиотек в России носила глубоко противоречивый характер. Правовое поле, в котором функционировал этот тип библиотек, сочетало элементы государственного стимулирования общественной активности с механизмами цензурно-полицейского контроля. С одной стороны, власть признавала значимость инициатив общественности в библиотечном деле и оказывала им ограниченную поддержку. Легализация публичных библиотек, получивших статус юридических лиц и действовавших на основании утверждённых властями уставов, способствовала их включению в культурно-образовательное пространство Российской империи. Рядом законодательных и подзаконных актов был существенно упрощён механизм открытия новых библиотек, обеспечена их внутренняя организационная автономия. С другой стороны, охранительные установки правительства, стремившегося контролировать механизмы формирования общественного мнения и не допускать политизации населения страны, обусловили установление цензурного и административного надзора над книжными фондами публичных библиотек. Эти противоречия существенным образом влияли на развитие публичных библиотек и определяли специфику библиотечного строительства в переломную эпоху российской истории.

Ликвидация предварительной цензуры в годы Первой русской революции, как и отмена министерских «Алфавитных списков», создали предпосылки для демократизации библиотечной сферы, однако не привели к реальному ослаблению административно-полицейского надзора. Правоприменительная практика на местах свидетельствует о том, что чиновники опирались не столько на формально-правовые нормы, сколько на ведомственные циркуляры и собственные представления о крамольности тех или иных печатных изданий. Это приводило к систематическому ограничению доступа читателей к легально опубликованным книгам и периодическим изданиям. В 1914 г. в условиях заметного роста издательской активности и расширения читательской аудитории, фактически существовавшие при комплектовании фондов публичных библиотек ограничения были институционализированы путём возобновления «Алфавитного списка» запрещённых изданий.

Репрессивно-охранительный компонент библиотечной политики властей существенно ограничивал содержательное многообразие массового чтения, а следовательно, и просветительскую функцию библиотек.

Список источников / References

1. Жилкин И. В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 369–380.
Zhilkin I. V. Provintsial'noye obozreniye. *Vestnik Evropy*. 1911;6:369–380. (In Russ.).
2. Бредли Дж., Гросул В. Я., Елина О. Ю. [и др.]. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. Москва: Политическая энциклопедия, 2011. С. 217–264. ISBN 978-5-8243-1528-8. EDN: RSIERF.
Bredli Dzh., Grosul V. Ya., Elina O. Yu. [et al.]. *Samooorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX v.* Moscow, 2011. P. 217–264. ISBN 978-5-8243-1528-8. EDN: RSIERF. (In Russ.).

3. Рубакин Н. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. 1909. № 12. С. 1–25.
- Rubakin N. Knizhnyy priliv i knizhnyy otliv. *Sovremennyy Mir*. 1909;12:1–25. (In Russ.).
4. Внутреннее обозрение. Начало XIX и начало XX века // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 367–383.
- Vnutrenneye obozreniye. *Nachalo XIX i nachalo XX veka. Vestnik Evropy*. 1901;1:367–383. (In Russ.).
5. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 582.
- Russian State Historical Archive (RSHA). File: 1278/2/582. (In Russ.).
6. Матвеев М. Ю. Российские библиотеки во второй половине XIX – начале XX века. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2014. 552 с. ISBN 978-5-8192-0479-5. EDN: WNSOLL.
- Matveyev M. Yu. Russian libraries in the second half of XIX – early XX century. Saint Petersburg, 2014. 552 p. ISBN 978-5-8192-0479-5. EDN: WNSOLL. (In Russ.).
7. Артемьева Е. Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. 424 с. ISBN 978-5-94560-228-1. EDN: RHOSHB.
- Artemyeva E. B. The evolution of the library network of Siberia and the Far East in the context of cultural, historical and social transformations (XVII–XX centuries). Novosibirsk, 2012. 424 p. ISBN 978-5-94560-228-1. EDN: RHOSHB. (In Russ.).
8. Матвеев М. Ю. Особенности развития общественных библиотек в губернских городах России // Библиотековедение. 1995. № 4-5. С. 120–128. EDN: WLZNXF.
- Matveyev M. Yu. Features of development of public libraries in the provincial centers of Russia. *Bibliotekovedeniye*. 1995;4-5:120–128. EDN: WLZNXF. (In Russ.).
9. Ивенина Т. А. Культурно-просветительные организации и учреждения общественной и частной инициативы в дореволюционной России (1900–1916 гг.). Москва: Франтэра, 2003. 257 с. ISBN 5-94009-014-1. EDN: QSZGQD.
- Ivenina T. A. Kul'turno-prosvetitel'nyye organizatsii i uchrezhdeniya obshchestvennoy i chastnoy initsiativy v dorevolutsionnoy Rossii (1900–1916 gg.). Moscow, 2003. 257 p. ISBN 5-94009-014-1. EDN: QSZGQD. (In Russ.).
10. Камскова Т. А. Народные библиотеки российской провинции. Оренбург: Издательство ОГАУ, 2006. 176 с. ISBN 5-88838-317-1. EDN: QVFDJP.
- Kamskova T. A. Narodnyye biblioteki rossiyskoy provintsii. Orenburg, 2006. 176 p. ISBN 5-88838-317-1. EDN: QVFDJP. (In Russ.).
11. Пашин А. И. Из истории библиотечного законодательства России // Библиотековедение. 2003. № 6. С. 94–100. EDN: PWGSKD.
- Pashin A. I. Some features of the history of the Russian library legislation. *Bibliotekovedeniye*. 2003;6:94–100. EDN: PWGSKD. (In Russ.).
12. Чувильская О. А. Законодательство о библиотечном деле: эволюция и современное состояние // Научные и технические библиотеки. 2009. № 9. С. 17–27. EDN: KXOCOB.
- Chuvil'skaya O. A. Library legislation in Russia: evolution and present stage. *Nauchnyye i tekhnicheskiye Biblioteki*. 2009;9:17–27. EDN: KXOCOB. (In Russ.).
13. Землянский И. А. Государственная политика в библиотечном деле во второй половине XIX – начале XX вв. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 5-6 (10). С. 17–20. EDN: YITMIN.
- Zemlyanskiy I. A. Public policy at librarianship during the second half of 19 and the beginning of 20 centuries. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh*. 2015;5-6(10);17–20. EDN: YITMIN. (In Russ.).
14. Орлов В. В. К истории развития библиотечного законодательства в России: попытка обобщения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 320–325. EDN: JVNDFA.
- Orlov V. V. To the history of development of library legislation in Russia: an attempt to generalize. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Kul'tury*. 2020;220:320–325. EDN: JVNDFA. (In Russ.).
15. Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. 202 с.
- Georgiyevskiy A. I. K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Saint Petersburg, 1902. 202 p. (In Russ.).
16. Устав Новочеркасской публичной библиотеки: [Утв. 1 нояб. 1869 г.]. Новочеркасск: Тип. газ. «Донской вестник», 1869. 5 с.
- Ustav NovoCherkasskoy publichnoy biblioteki. November, 1, 1869. NovoCherkassk, 1869. 5 p. (In Russ.).
17. Устав Русской публичной библиотеки в г. Юрьеве (Лифляндской губернии): [Утв. 11 авг. 1896 г.]. Юрьев: Тип. А. Гренцштейна, 1896. 14 с.
- Ustav Russkoy publichnoy biblioteki v g. Yur'yevе (Liflyandskoy gubernii). August, 11, 1896. Yuryev, 1896. 14 p. (In Russ.).
18. Устав Екатеринбургской публичной общественной библиотеки имени В. Г. Белинского. Екатеринбург: Тип. Ф. К. Хомутова, 1899. 8 с.
- Ustav Ekaterinburgskoy publichnoy obshchestvennoy biblioteki imeni V. G. Belinskogo. Ekaterinburg, 1899. 8 p. (In Russ.).
19. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Санкт-Петербург, 1867. Т. 40, № 41642–42509. С. 397–406.
- O nekotorykh peremenakh i dopolneniyyakh v deystvuyushchikh ныне tsenzurnykh postanovleniyakh. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. vtoroye*. Saint Petersburg, 1867. Vol. 40, no. 41642–42509. P. 397–406. (In Russ.).
20. О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Санкт-Петербург, 1887. Т. 4, № 1934–2642. С. 3.
- O vremennykh merakh po otnosheniyu k otkrytiyu i soderzhaniyu publichnykh bibliotek i kabinetov dlya chteniya. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. tret'ye*. Saint Petersburg, 1887. Vol. 4, no. 1934–2642. P. 3. (In Russ.).
21. Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Составлен в Глав. упр. по делам печати. Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутренних дел, 1903. 27 с.
- Alfavitnyy spisok proizvedeniy pechati, zapreshchennykh k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh i obshchestvennykh chital'nyakh. Saint Petersburg, 1903. 27 p. (In Russ.).
22. Строева А. А. Практика цензурного контроля над библиотечными фондами во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам губерний Черноземного центра) // Библиосфера. 2013. № 1. С. 31–38. EDN: PVSXVX.
- Stroyeva A. A. Praktika tsenzurnogo kontrolya nad bibliotечnymi fondami vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po materialam guberniy Chernozemnogo tsentra). *Bibliosfera*. 2013;1:31–38. EDN: PVSXVX. (In Russ.).
23. Устав Императорского Русского музыкального общества: [Выс. утв. 4 (16) июля 1873 г.]. Санкт-Петербург: Типография Р. Голике, 1885. 16 с.
- Ustav Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva. July, 4 (16), 1873. Saint Petersburg, 1885. 16 p. (In Russ.).
24. Устав Киевского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Киев: Тип. А. Давиденко, 1887. 13 с.
- Ustav Kiyevskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva i sel'skokozyaystvennoy promyshlennosti. Kiev, 1887. 13 p. (In Russ.).

25. Устав Томского общества содействия физическому развитию. Томск: Паров. типо-лит. П. И. Макушина, 1896. 21 с.
- Ustav Tomskogo obshchestva sodeystviya fizicheskomu razvitiyu. Tomsk, 1896. 21 p. (In Russ.).
26. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними. Утверждены Министром Внутренних дел 15 мая 1890 г. // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1890. № 7. С. 175–179.
- Pravila o besplatnykh narodnykh chital'nyakh i o poryadke nadzora za nimi. Utverzhdeny Ministrom Vnutrennikh del 15 maya 1890 g. *Tsirkulyar po Zapadno-Sibirskomu Uchebnomu Okrugu*. 1890;7:175–179. (In Russ.).
27. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.
- F. Ch. Vneshkol'noye obrazovaniye naroda: narodnyye biblioteki i muzei, narodnyye chteniya, deyatel'nost' obshchestv po narodnomu obrazovaniyu v Rossii i drugikh stranakh. *Severnyy Vestnik*. 1894;8:239–259. (In Russ.).
28. Об усовершенствовании государственного порядка // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Санкт-Петербург, 1908. Т. XXV, № 25605–27172. С. 754–755.
- Ob usovershenstvovaniy gosudarstvennogo poryadka. *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii*. Saint Petersburg, 1908. Vol. XXV, no. 25605–27172. P. 754–755. (In Russ.).
29. О временных правилах для неповременной печати // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Санкт-Петербург, 1909. Т. XXVI, № 27173–28753. С. 481–483.
- O vremennykh pravilakh dlya nepovremennoy pechati. *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii*. Saint Petersburg, 1909. Vol. XXVI, no. 27173–28753. P. 481–483. (In Russ.).
30. Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904: архивно-библиографические разыскания. Москва: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. 254 с.
- Dobrovol'skiy L. M. Zapreshchennaya kniga v Rossii, 1825–1904: arkhivno-bibliograficheskiye razyskaniya. Moscow, 1962. 254 p. (In Russ.).
31. Циркуляр Министра внутренних дел «Об отмене Алфавитного указателя произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках», № 1805, от 08 февраля 1907 г. // Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Саната. 1912. 651 с.
- Tsirkulyar Ministra vnutrennikh del "Ob otmene Alfavitnogo ukazatelya proizvedeniy pechati, zapreshchannykh k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh". *Sbornik Zakonov, Rasporyazheniy Pravitel'stva i Resheniy Pravitel'stvuyushchego Sanata*. 1912. 651 p. (In Russ.).
32. Каталог книг в библиотеке Омского Общества попечения о начальном образовании. Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1906. 154 с.
- Katalog knig v biblioteke Omskogo Obshchestva popечeniya o nachal'nom obrazovanii. Omsk, 1906. 154 p. (In Russ.).
33. Борьба с просвещением в Иркутске // Сибирские вопросы. 1907. № 19. С. 16–19.
- Bor'ba s prosveshcheniyem v Irkutске. *Sibirskiye Voprosy*. 1907;19:16–19. (In Russ.).
34. Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1, Вып. 3: 1855–1917 гг. Москва: Пробел-2000, 2017. 305 с. ISBN 978-5-98604-621-1. EDN: ZHVULZ.
- Reyfman P. S. Tsensura v dorevol'yutsionnoy, sovet'skoy i postsovet'skoy Rossii: in 2 vols. Vol. 1, Issue 3: 1855–1917 gg. Moscow, 2017. 305 p. ISBN 978-5-98604-621-1. EDN: ZHVULZ. (In Russ.).
35. РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 24. 1906. RSHA. File: 776/22/1906. (In Russ.).
36. Правила о публичных библиотеках и книжных магазинах // Для народного учителя. 1907. № 1. С. 30.
- Pravila o publichnykh bibliotekakh i knizhnykh magazinakh. *Dlya Narodnogo Uchitelya*. 1907;1:30. (In Russ.).
37. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6887.
- State Archive of the Tomsk Region. File: 3/2/6887. (In Russ.).
38. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 126.
- State Archive of the Russian Federation (SARF). File: 102/260/126. (In Russ.).
39. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. 1908. Д. 1. Ч. 9. SARF. File: 102/117/1908/1/9. (In Russ.).
40. Новый разгром просветительных учреждений // Сибирские вопросы. 1908. № 37-38. С. 65–68.
- Novyy razгром prosvetitel'nykh uchrezhdeniy. *Sibirskiye Voprosy*. 1908;37-38:65–68. (In Russ.).
41. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3364.
- State Archive of the Irkutsk Region. File: 25/6/3364. (In Russ.).
42. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 96.
- State Archive of Krasnoyarsk Krai (SAKK). File: 827/1/96. (In Russ.).
43. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 98. SAKK. File: 827/1/98. (In Russ.).
44. ГАКК. Ф. 856. Оп. 1. Д. 3. SAKK. File: 856/1/3. (In Russ.).
45. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. 1908. Д. 23. Ч. 9. SARF. File: 102/117/1908/23/9. (In Russ.).
46. Жарков Д. С. Демократические и революционные традиции библиотек Восточной Сибири // Труды Восточно-Сибирского библиотечного института. 1964. Т. 2. С. 3–16.
- Zharkov D. S. Demokraticheskiye i revolyutsionnyye traditsii bibliotek Vostochnoy Sibiri. *Trudy Vostochno-Sibirskogo Bibliotchnogo Instituta*. 1964;2:3–16. (In Russ.).
47. Землянский И. А. Роль администрации Приамурского края в организации и контроле деятельности библиотек // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 6-3 (11). С. 138–143. EDN: XYGJCF.
- Zemlanskii I. A. The role of administration of the Priamurye territory at organization and control of libraries. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh*. 2015;6-3(11):138–143. EDN: XYGJCF. (In Russ.).
48. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. 1912. Д. 315. SARF. File: 102/117/1912/315. (In Russ.).
49. Алфавитный список произведений печати, запрещенных г. министром внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях на основании примечания 1-го к ст. 175 Устава о цензуре и печати. Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1914. 64 с.
- Alfavitnyy spisok proizvedeniy pechati, zapreshchennykh g. ministrom vnutrennikh del k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh i obshchestvennykh chital'nyakh na osnovanii primechaniya 1-go k st. 175 Ustava o tsensure i pechati. Saint Petersburg, 1914. 64 p. (In Russ.).
50. Есипова В. А., Карташова Т. П. «На страже закона и нравственности»: к вопросу о регламентации чтения в Томской губернии в конце XIX–начале XX в. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 96–109. <https://doi.org/10.17223/23062061/11/6>. EDN: WWTHTUT.
- Esipova V. A., Kartashova T. P. "On guard of law and morality": on reading regulation in Tomsk province in the late 19th–early 20th centuries. *Text. Book. Publishing*. 2016;2(11):96–109. <https://doi.org/10.17223/23062061/11/6>. EDN: WWTHTUT. (In Russ.).

Информация об авторе:

ПОПОВ Дмитрий Иванович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Международные отношения, социология и политология» Омско-

го государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 5520-3751

AuthorID (РИНЦ): 192070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3091-3524>

ResearcherID: AEB-7591-2022

e-mail: 55popov@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 10.08.2026.

Information about the author:

POPOV Dmitry Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the International Relations, Sociology and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 5520-3751

AuthorID (RSCI): 192070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3091-3524>

ResearcherID: AEB-7591-2022

e-mail: 55popov@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 10.08.2026.